

ДОРОГОЕ

№1 ЯНВАРЬ 2008 | НОВОСИБИРСК

УДОВОЛЬСТВИЕ

Анжелика
Варум

Андрей
Гладченко
Охотник
за разумом

Ночь перед
Рождеством
гадания
про любовь

Спа-хмелье
Как не пожалеть
завтра утром
о вчера вечером

Самые яркие
события года
в Новосибирске

Монако
карликовый
рай

50 главных
трендов
зимы
2008

Увидеть раз в жизни: культовые клубы, битву
комбайнов, забег официантов, банкет для обезьян

4 609579 001010

рекламное издание

Музыка дождя

Текст: Елена Бальбурова
Фото: Мария Кикоть

У каждого из нас, наверное, в жизни есть исполнители, с чьими песнями связано так много, что сами артисты едва ли воспринимаются как реальные люди. Поэтому, когда я записывала домашний адрес Анжелики Варум, мне не вполне верилось, что девушка-ангел из клипов откроет дверь и буднично скажет: «Проходите». Но именно так все и случилось.

Уютная квартира на последнем этаже сталинского дома с видом на Москва-реку, лифт в подъезде — с дверью-сеткой, которую приходится открывать и закрывать самой. На входе в подъезд из охраны — только домофон. А между тем здесь живут две мегазвезды — Анжелика Варум и Леонид Агутин.

«Вас фанаты не одолевают? — интересуюсь я. — Доступ, можно сказать, открытый...» — «Ну что вы! Мы уже старые для этого! — смеясь, машет рукой Анжелика. — Наши фанаты все взрослые люди, с семьями, с детьми. Такие у подъездов уже не стоят».

В самом деле, о чем я спрашиваю? Я сама — типичный представитель фанатов Анжелики Варум. Что ни песня — то целое живое полотно из бурных девяностых. «Гуд бай, мой мальчик!», «Художник, что рисует дождь», «Осенний джаз» — на эти мелодии пришлось вся романтика юности, а под «Колыбельную», которую Анжелика спела для дочки Лизы, я качала свою...

В квартире мы одни. Дочка с родителями Анжелики постоянно живет в Америке. Тайно надеюсь, что сейчас со второго этажа, напевая, спустится Леонид Агутин, но у него сегодня запись в студии. Анжелика забирается с ногами в кресло. Бывают люди уютные и неуютные. Анжелика — удивительно уютный человек. На ней забавная домашняя пижамка, на лице — абсолютно никакой косметики. Она держится очень дружелюбно, но на той самой невидимой и необидной дистанции, которую умеют выдерживать только профессионалы.

— Это вы играете? — спрашиваю я, кивая на гитару, которая лежит на диване так, как будто ее только что держали в руках.

— Я тоже, — улыбается Анжелика. — У меня было даже несколько концертных номеров, где я играла сама.

— Анжелика, правда, что ваш папа, музыкант и композитор, учил вас музыке дома и считал, что музыкальная школа отбивает у ребенка желание играть?

— Да, папа учил меня сам. Он считал, что если ребенок хочет заниматься музыкой, он будет заниматься независимо от того, стоит над ним кто-то или нет. И наоборот.

— У него была своя методика, без гамм и упражнений?

— Особой методики не было, гаммы я не играла. Папа показал мне какие-то азы, он играл, а я повторяла. Это были такие «музыкальные инъекции». Я брала музыку ровно в тех количествах, в которых она была мне нужна. Очень много слушала, как говорят музыканты, «снямала».

— С вашего первого появления на сцене вы создали очень хрупкий, неземной образ. А в одном интервью говорили, что в детстве были хулиганкой и дружили в основном с мальчишками. Это так?

— Да, я была хулиганкой, причем лет до пяти — очень похожей на мальчика. Когда мы с мамой садились в такси, ей говорили: «Какой у вас мальчик замечательный». А я таким басом в воротник шубы: «Я не мальчик, я девочка». Было очень смешно. А хулиганили все — и девочки, и мальчишки. У нас был большой, очень дружный двор. У мамы есть такое яркое воспоминание, как она возвращается домой с работы и вдруг видит: мимо нее по двору проносится какой-то мальчишка с палкой, задевает этой палкой ее модные польские чулки, они тут же дают петлю. Она ему вслед кричит: «Ну что же ты, наглец!» Мальчишка оборачивается, и мама видит, что это я, ее Маша.

— Маша?! Анжелика — ваш сценический псевдоним?

— Да.

— Но ведь об этом почти никто не знает!

— Ну что вы, все знают! Все администраторы во всех городах зовут меня Машей. Некоторые спрашивают: «Как к вам обращаться?» Я говорю — зовите, как удобно!

Вот так сюрприз! Впрочем, еще большим сюрпризом стало для меня то, что песня «Королева», которую Варум и Агутин исполняют дуэтом, была написана совсем не о них, а задолго до их романа. Так же, как и трепетная «Все в твоих руках». Ее до Анжелики, оказывается, успела исполнить другая певица. Да и сам союз Агутина и Варум был изначально спланирован как PR-ход. Впрочем, мою «голливудскую» версию о том, что сначала между директорами исполнителей был заключен официальный договор, а потом, как в кино, вдруг вспыхнули чувства, Анжелика существенно корректирует.

— Если это и был PR, то не с моей стороны точно! Потому что, когда я впервые увидела Аеню на сцене, я сразу влюбилась. В музыку, в человека, в его смелость. А потом года два-три присматривалась.

— Но договоренность между вашими директорами все-таки была?

— Да, о совместном проекте договаривались мой папа и Ленин директор. Потому что запрос с моей стороны уже был. Мне хотелось сделать что-то совместно с Леной в творческом плане.

— Вы были знакомы между собой к тому моменту?

— Конечно, мы где-то пересекались, но близко познакомились, когда Леня принес свою песню папе. А я уже была влюблена... И дальше мне оставалось только внушить этому парню (шутливо грозя воображаемому Лене пальцем), что это мой парень и что он должен быть рядом! На это ушли годы. (Смеется.)

— То есть вы стали парой не сразу?

— Леня вообще человек осторожный в плане сближения с людьми. Поэтому ему понадобилось время. А вот я с первого взгляда знала, что это мой человек.

— Вы противоположности по характеру?

— Нет, мы очень похожи!

— Внешне вы производите очень разное впечатление.

— Да? — удивляется Анжелика.

— Если вы так похожи, то чем?

— Мы оба люди очень нервные и чувствительные, эмоциональные. Пожалуй, это основное. Но так, наверное, можно охарактеризовать добрую половину человечества... А еще больше Леня похож на моего папу.

— Вообще, это считается залогом хорошего союза, если дочь любит отца, а муж похож на него...

— Да, я тоже об этом слышала, — соглашается Анжелика.

— В одном из интервью Леонид рассказывал, что вы оба очень азартные люди и очень близко к сердцу принимаете проигрыш, поэтому договорились друг с другом даже в карты не играть, чтобы не ссориться.

— Это правда. Леня не играет со мной в карты вообще, потому что понимает, что это бессмысленно.

— Там ведь огромная русская диаспора, в том числе звездная?

— Да, но мы нечасто пересекаемся. (Задумывается.) Кристина, Валерий Леонтьев, боюсь перечислять, потому что кого-то забуду. Игорь Крутой с женой, Наташа Королева. С Игорем Николаевым чаще видимся, потому что они с Леной играют в теннис.

— Ваша Лиза родилась в Америке?

— Нет, в Москве.

— Но у вас ведь была прекрасная возможность сделать ее гражданкой США!

— Мы ничего подобного не планировали. Так сложились обстоятельства. Папа перенес сложную операцию в Америке. Реабилитационный период затянулся, и семье пришлось остаться, а Лизе пойти в американскую школу. Но я рада, что так сложилось. Они живут на берегу океана, и у Лизы прекрасный английский.

Когда Леня принес свою песню папе, я уже была влюблена и мне оставалось только внушить этому парню, что он должен быть рядом!

— Почему? Вы всегда проигрываете?

— Нет, я всегда выигрываю. У Лени. (Смеется.)

— Вы умеете просчитывать карты?

— Да, я очень хорошо и быстро считаю, — улыбается Анжелика. — А Леня, как он сам говорит, хорошо играет в круглые предметы: боулинг, теннис, футбол. В бильярд с ним играть невозможно, потому что он играет виртуозно и постоянно выигрывает — а это унижительно! (Смеется.) А еще он на каком-то этапе начинает поучать, и это уж совсем невыносимо, потому что я сама хорошо играю.

— Могу себе представить, что происходит, когда вы за рулем, а Леня пассажир...

— Мы никогда так не ездим! Мы оба фанаты вождения, поэтому в Америке у каждого своя машина. Никто не готов уступить руль другому! Если едем куда-то вместе, то «паровозиком». А в Москве ездим с водителем, потому что здесь вождение не доставляет ни малейшего удовольствия, все время куда-то спешишь, опаздываешь.

— Что водите?

— Я люблю хорошие, приемистые машины. Я фанат BMW. А Леня любит Lexus.

— У вас в Америке свой дом?

— У нас квартира в Майами.

— Дочка представляет масштабы популярности родителей?

— Нет. Абсолютно. И это еще один из позитивных моментов ее жизни в Америке. Потому что все звездные родители, с кем я говорила, чувствуют очень сильное давление на детей в Москве.

— В чем это проявляется? Повышенный интерес?

— Повышенный интерес, и очень часто с негативным оттенком: «Ну раз ты такой знаменитый...» Дети очень переживают. А в школе, где учится Лиза, вообще не знают, кто такие Анжелика Варум и Леонид Агутин. Так что нам в этом смысле повезло. Правда, Лизка настолько похожа на папу, что русские узнают ее даже в Майами, когда она без нас! «А это случайно не Лиза Агутина?» Но там это очень мягко.

— Вы скучаете по ней?

— Конечно. Я испытываю дискомфорт от нашей дистанции, но душевно мы очень близки. Пока у нас есть этот контакт, я за нее не боюсь.

— Она совсем американский ребенок?

— Да, по-английски говорит без акцента. А по-русски уже немного задумывается. Видимо, строит фразу на английском, а потом переводит. Иногда получается очень смешно. Мы однажды играли с ней в интервью, и, когда я спросила, кем она будет, Лиза сказала: «Я просто хочу зарабаты

вать деньги!» Я была поражена: почему ребенок в девять лет говорит о деньгах? Но потом поняла — это абсолютно американское мышление. Ведь там дети даже из очень обеспеченных семей стремятся зарабатывать уже лет с двенадцати.

— Разве было бы лучше, если бы она сказала: я хочу замуж, и пусть муж меня обеспечивает?

— Нет, конечно! Я примерно за год до нашего «интервью» про деньги застала Лизу за компьютерной игрой: она была девушкой, которая живет в роскошном доме. У нее красивая машина, много нарядов. Я спрашиваю: «Л смысл в чем?» — «Я здесь живу». — «А работа у тебя есть?» — «Муж не разрешает мне работать, потому что у него есть деньги». Я тогда сказала: «Срочно бросай этого мужа и иди искать работу, это же умереть можно от тоски!» Думаю, она это запомнила.

— Кстати, перед вами ведь, наверное, никогда не стоял вопрос «семья или сцена?»

— Слава богу, нет.

— Вы ревнуете мужа к поклонницам? Или это часть профессии, которую не стоит принимать всерьез?

— Я вообще человек очень ревнивый. Я знаю природу своей ревности, мне стыдно и неловко, но... я такая! [Улыбается.] Леня тоже ревнивый человек, но если я в этом вопросе постоянна, моя ревность всегда при мне, то у Лени бывают довольно неожиданные вспышки. На одну ситуацию он может не отреагировать, а на другую — аналогичную — взорваться. Хотя все эти ситуации — ерунда и мелочи. (Смеется.)

— В вашей жизни было какое-то по-настоящему трогательное проявление признания, восхищения со стороны поклонников?

— Каждое искреннее проявление трогательно по-своему. Но мне запомнился случай, который произошел давно, еще в начале моей сольной карьеры. Некоторые исполнители любят слепящий концертный свет, при котором люди в зале становятся неразличимы и сливаются в единый организм. Я люблю видеть зал, глаза людей, выражение лиц. Может, это плохо и неправильно, но мне так комфортно.

Любой союз двух людей для меня — загадка. Ведь количество компромиссов, на которые приходится идти, чтобы быть вместе, порой кажется неадекватным самой этой совместной жизни.

— Долгий счастливый брак в наше время становится все большей и большей редкостью. А тем более в среде людей шоу-бизнеса. Что, по-вашему, самое главное в отношениях?

— (Анжелика надолго задумывается.) Вы знаете, чем дольше я живу, тем более невероятным мне кажется любой союз. Как вообще люди находят мотивацию быть друг с другом? Ведь количество компромиссов, на которые приходится идти, чтобы быть вместе, порой кажется неадекватным самой этой совместной жизни. Поэтому любой союз для меня загадка.

— Ну а каков ваш секрет?

— Я не знаю, как отвечать на этот вопрос! Почему мы с Лейней? Ну вот родной человек! Мне с ним тепло. Ну вот как рядом с калорифером сидишь (смеется), и тебе хорошо, спокойно, комфортно. Чувствуешь себя защищенной. Знаете, в какой-то период у каждого в жизни происходит такая перемена ролей, когда родители превращаются в детей и когда ты начинаешь чувствовать за них ответственность, ощущать их уязвимость, необходимость их защищать. И тогда должен быть рядом кто-то, кто защитит тебя. Наверное, потребность в такой защите рождает союзы... Я так думаю.

И вот я вижу: в первых рядах сидит мужчина в позе роденовского мыслителя, уткнувшись лбом в собственный кулак, и смотрит в пол. Время от времени он мучительно поднимает глаза и — снова вниз. Я думаю: наверное, у него такая волна разочарования по отношению к моему творчеству. Л у меня в концерте был выход в зал. И вот я решила, что подойду к нему и скажу: «Ну если так мучительно и невыносимо меня слушать, просто уйдите. Я верну вам деньги!» Но спустившись в зал, я понимаю, что не успеваю ему ничего сказать, проход очень быстрый, и если я задержусь, то все полетит, вся программа. Я вернулась на сцену и пела, стараясь не обращать на него внимания. И вот концерт заканчивается, этот человек достает из-под своего кресла огромный букет роз, поднимается на сцену, и я вижу, что у него дрожат от волнения руки. Он сказал мне что-то трогательное. И я разрыда-а-алась! (Анжелика смеется, но я вижу, что и сейчас у нее на глазах блеснули слезы.) И я подумала: «Бог меня уберег. Что бы было, если бы я тогда к нему подошла?!»

— Ничего себе история! Целый клип можно снять... Вы вообще эмоциональный человек?

— Ла, очень...

— А что в последнее время производило на вас сильное впечатление? Не обязательно положительное. Может быть, книга или фильм?

— С книгами, равно как и с фильмами, у меня приключилась катастрофа. Я стала бояться читать новое.

— Бойтесь разочароваться?

— Разочароваться — это не самое страшное. Если книга плохая — это бог с ним. Я боюсь непредсказуемого воздействия, которое может оказать на меня хорошая книга! Ведь она входит в сознание и начинает руководить поступками, делает тебя более настороженным, более ранимым. Такое произошло у меня лет пять назад с Улицкой, когда я прочитала «Казус Кукоцкого». Было это так пронзительно, так тоскливо! (Отворачивается, зажмурив глаза.) И я с этим теперь живу. А я не хочу! Мне достаточно в собственной жизни всего, мне не надо еще и этой боли. Поэтому я стала перечитывать хорошо забытое старое — Довлатова, Стругацких, Жванецкого. Из нового только детективы и фантастику. Очень люблю Лукьяненко и Акунина. Та же история с фильмами. Новое смотрю только по рекомендации Аени. Он поглощает кино пачками и точно знает, что мне понравится.

— Очень трогательная забота. Кстати, по отзывам друзей, вы очень заботливая жена и отлично готовите.

— Эт-то правда! [Кокетливо.]

в магазине сама. Ненавижу их заказывать по телефону Мне надо их видеть! [Смеется.]

— Наверное, уже не бывает ситуаций, когда вас не узнают?

— Не знаю, мне кажется, что меня не узнают. Я никогда не крашусь. Вот Лене сложнее. Он ведь по имиджу такой рубаха-парень. И вот ему: «Ленчик, давай то, давай се!»

— И как он реагирует?

— Я думаю, ему бывает тяжело. Он пытается быть открытым, но иногда люди злоупотребляют. Мне проще, во-первых, потому что я женщина. А к женщине, согласитесь, сложнее подойти.

— Есть люди, которые купаются в своей славе, а есть люди, которых это тяготит. Как по-вашему, что нормальнее?

— Я могу сказать, что приятнее мне. Приятен такой голливудский вариант, когда люди приветливы, узнают, но держат дистанцию. Приветствие на уровне взгляда — это приятно. А желание общаться близко, с «проникновением в ауру» — это, конечно, очень тяжело.

— Мне ваш роман с Леонидом Агутиным напоминает роман Джонни Деппа и Ванессы Паради... Они тоже всегда так трогательно говорят друг о друге.

— Приятное сравнение, — улыбается Анжелика. — Правда, мне кажется, что я все-таки больше реализовалась в твор-

Мне приятен голливудский вариант, когда люди узнают, но держат дистанцию.

— Что у вас есть в кулинарном репертуаре?

— Я «белковый» человек, поэтому очень вкусно готовлю мясо, да и вообще все. Единственное, что мне неподвластно — это сырники! (Смеется.) Всегда, какие бы сорта творога я ни использовала, неизменно получается какой-то кошмар и разочарование.

— Анжелика, какой образ у вас за кадром, в обычной жизни?

— Я консервативна в одежде. Мне доставляют удовольствие простые дорогие вещи.

— Например?

— Люблю кашемировые кофточки черненького и серенького цветов. [Улыбается.] Хорошую обувь, часы, украшения. Но их никогда нельзя распознать. Нельзя сказать, что вот эти сережки [тербит пальцем свои сережки в форме ромбов] стоят 200 долларов или 2 тысячи. В этом фишка.

— Я так и думала, что вы не из тех звезд, кто, появляясь где-нибудь в магазине, заставляет всех обернуться.

— Кстати, продукты я действительно всегда покупаю

честве, чем Ванесса. Хотя она очень мне нравится. Наверное, она человек еще более застенчивый и поедающий себя, чем я, потому что появляется совсем редко. Л вообще, сравнение, конечно, приятное, потому что они очень талантливые люди.

— Как певица вы с самого начала находились в потрясающе завидном положении. Первые песни для вас написал ваш отец, сейчас для вас пишет муж. Оба — талантливые композиторы. Вам знакома проблема репертуара, которая для некоторых исполнителей становится роковой?

— Знакома! Дело в том, что есть некое клише: «Анжелика Варум должна петь только так». Л я устаю от клише, мне хочется чего-то еще. Но когда я пытаюсь брать песни в другом стиле у других композиторов, они не становятся популярными! Такая вот судьба. [Улыбается.] В моем последнем двойном альбоме «Музыка» я выбрала из своего репертуара, сложившегося за последние годы, двадцать три песни. Мне очень хотелось, чтобы в альбом вошли те песни, которые нечасто крутят по радио, потому что они не очень форматные. Но они особенные. И это то, что я очень люблю и от чего получаю удовольствие.